

І. НАШИ ЮБИЛЯРЫ

НЕУТОМИМЫЙ ПОЛЕВИК, ГЕНЕРАТОР НОВЫХ НАУЧНЫХ ИДЕЙ (к 70-летию Виктора Николаевича Пучкова)

Виктор Николаевич Пучков — ныне один из самых известных и выдающихся ученых, раскрывающих геотектонические механизмы и закономерности на основе детальных регионально-геологических исследований, создатель многих новаторских прорывных исследовательских технологий, мой друг еще с нашей далекой, почти полувековой исследовательской юности.

В начале романтических шестидесятых годов судьба свела нас в одни структурно-академические координаты, в Коми филиал Академии наук СССР, в г. Сыктывкар, в Институт геологии. Он прибыл сюда после окончания Московского госуниверситета в сентябре 1960 г. и проработал до 1974 г., я пришел из среднеазиатской геологоразведки в июне 1961 г. и остаюсь, наверное, уже навсегда.

Институт был совсем недавно, в 1958 году, создан из филиальского геологического отдела и энергично, как и весь филиал, наращивал свою численность, главным образом за счет выпускников разных вузов.

Коллектив института становился преимущественно молодежным, любознательным, деятельным, амбициозным. Входящих в науку вдохновляли геологические патриархи Герой Соцтруда профессор Александр Александрович Чернов, профессор Вера Александровна Варсанюфьева, к.г.-м.н. Михаил Алексеевич Плотников, старшие, порой совсем на немного, коллеги: М.В. Фишман, А.И. Елисеев, А.И. Першина и другие.

В институте и других подразделениях академического филиала, которые по сути дела составляли единый исследовательский орган, была прекрасная дружелюбная атмосфера, способствующая творчеству, развитию личности и профессионализма, добрых человеческих отношений. Она создавалась не только коллективообразующей общественной системой, но и внутренней потребностью самой молодежи к объединению, взаимоподдержке.

Виктор Пучков внешне казался несколько медлительным, даже инфантильным. Требовалось некоторое время после начала знакомства, чтобы за этим «фасадом» начинали проступать контуры

далеко не заурядной личности. Помимо прочего, медлительность его была не абсолютной: в критических ситуациях он мог действовать быстро и решительно. Старожилы первых филиальских домов еще помнят уникальный случай, когда зимой 1962 г. он вытащил из задымленного подвала отравившегося угарным газом пожарника. Юношеская непосредственность тоже оказалась не вредной чертой, позволив ему в нужное время и в нужном месте сказать, что король — голый.

С первых же лет Виктор был в числе молодежных активистов, организаторов и участников всех культурных, спортивных, а тем более, научных акций и мероприятий. Его избирали в руководство общественных организаций, он был штатным сотрудником газеты «Молодежь Севера», активным лектором, даже два года возглавлял сыктывкарскую организацию общества «Знание». Виктор был включен в состав многих делегаций, творческих групп. Его имя знала почти вся республика.

В 1969 году мы с Виктором попали в состав большой молодежной делегации, направленной в Москву в честь полувекового юбилея Коми комсомола. На встрече в ЦК ВЛКСМ нам удалось привлечь внимание руководства страны к волновавшей тогда республику проблеме создания Сыктывкарского госуниверситета, который общими усилиями был вскоре открыт.

Виктор быстро обзавелся семьей. Избранницей его стала историчка Роза Канева, привлекательная и, по нынешней терминологии, гламурная девушка, выпускница Ленинградского госуниверситета (кстати, она училась вместе с будущей звездой Эдитой Пьехой). Родились дети, семья получила приличную квартиру в новом доме. Однако семейное счастье длилось недолго. Роза погибла, спасая дочку из-под колес летящего с бешеной скоростью по автострате грузовика. Только через годы, уже в другом городе, Свердловске, новое счастье нашло его и, наверное, навсегда.

Главным приоритетом в сыктывкарском периоде жизни Виктора Пучкова были, конечно, не общественная деятельность, а вхождение в науку,

сама наука. Он пришел в институт уже основательно подготовленный в геологической теории, методологии, да и в практике, поэтому знал, как делать жизнь. Углубленно изучал литературу по общим и региональным проблемам, причем не только из фондов довольно богатой филиальной библиотеки, но и через заказы по межбиблиотечному абонементу, по микрофильмам, фотокопиям. Прорабатывал все, что ему было нужно, а нужно ему было многое, в том числе и особенное. Виктор пришел уже увлеченным геомобилизмом, еще не очень признаваемым, особенно в нашей стране, и сразу же поставил целью создать свою современную концепцию. И целеустремленно работал над ней при поддержке и наставничестве своего учителя профессора, а затем академика, П.Н. Кропоткина.

В те годы ученые интенсивно, но не очень эффективно, учили иностранные языки, для молодежи это было обязательным. Виктору удалось уговорить руководство филиала включить его в аспирантские группы по изучению английского и немецкого языков, хотя он не был аспирантом. Мне тоже, тогда студенту-заочнику, разрешили заниматься в одной с Виктором английской группе, и, наблюдая за ним, я восхищался упорством, рационализмом, стремлением к достижению результатов. Он безупречно выполнял все задания, лидировал в разговорных занятиях, читал все, что попадаетея иноязычное. Кроме английского и немецкого, он самостоятельно учил еще французский и испанский, отдавая этому не только все свободное время, но и его «кусочки» между делами. Мы читали журнальные статьи и наводнявшие книжные магазины адаптированные художественные книжки, Виктор — толстые монографии и оригинальные литературные произведения. Всегда — на совещаниях, за обедом, на дружеских встречах, у экспедиционных костров — он то и дело доставал карманный словарь и учил слова. Главное — словарный запас, а грамматический стиль сложится. Этому нас учил английский филолог Коутс, который провел с нами несколько занятий в обмен на уроки коми языка.

Впрочем, пример для полиглотских устремлений у Виктора был рядом: в филиале трудился географ-мерзлотовед Л.А. Братцев, знавший несколько десятков иностранных языков и осваивавший любой новый язык в несколько недель.

С первого же полевого сезона началась длительная и многотрудная экспедиционная работа, которая у Виктора Николаевича продолжается и по сей день. Первые его маршруты покрывали полуостров Канин и Тиман, затем Северный, Приполярный и Полярный Урал. В 1963 г. он впервые сам возглавил геологический отряд на Полярный

Урал, его стали все больше увлекать уральские проблемы, и наши маршруты нередко пересекались или сходились.

В следующем полевом сезоне в отряде М.В. Фишмана вместе с Б.А. Голдиным, Е.П. Калининым он исследовал гигантский гранитный массив Мань-Хамбо, уточняя его структурное положение и возраст. Я тоже был участником той экспедиции. А в 1965 г. мы с ним проработали очень тяжелый сезон в геологическом отряде Е.П. Калинина, изучая геологические особенности, петрографию и минералогические особенности Ильчского Поясового хребта и его склонов от Мань-Хамбо до истоков Печоры. Тектонисты — народ мобильный. Они любят длинные маршруты, охват больших территорий, поэтому Виктор настаивал на аренде лошадей. Согласились, но его самого и послали поискать еще сохранившихся от скармливания на зверофермах лошадей в приуральских деревнях, куда он сразу же и отправился с рабочим-кононом. А мы прождали летнюю погоду в Троицко-Печорске почти месяц, наконец забросились в горы, поставили базу, добрались до выбросного лагеря, куда Виктор должен был пригнать лошадей. В лагере ни Виктора, ни лошадей не оказалось. Они были здесь, но сразу же две лошади сбежали, осталась одна самая умная, и на ней Виктор отправился в поиски. Как он искал лошадей и с какими приключениями в предгорной парме, как нашел их почти в сотне километров, как возвращался обратно, только он знает в деталях.

Мы, ожидая Виктора, работали, ходили в маршруты, дробили пробы. Наконец, лошадей он привел, и наш отряд стал небольшими переходами перемещаться к югу. Я не помню столь отвратительной погоды, как в том сезоне. По-моему только пять дней не шли дожди, неделями густые туманы не давали возможности отойти даже за сотню метров от палатки. В одном из первых походов от перегрузки пала одна из лошадей. Пришлось перемещаться челночными ходками. А потом горы плотно и надолго закрыли облака, окутавшие лагерь непробиваемым туманом. Кончились продукты, как мы их не растягивали по микропорциям, питались тем, что удавалось найти около лагеря.

Мы с Виктором уговорили Е.П. Калинина отправить нас на базу, обещая выйти к ней по компасу. И шли три дня то по азимуту, то по обрывкам каких-то троп, протоптанных в нужном нам направлении. И вышли точно к острову на р. Еграляге, на котором стояли палатки базы. А потом по старым следам, которые прекрасно помнила самая умная лошадь, Голуба, вернулись в лагерь с продуктами. Поход удался, но я до сих пор помню леденящий холод металлической планки компаса,

который все это время не выпускал из рук. Последствием были дикие боли в суставах, от которых удалось избавиться только отмочив руки в животворных термах Венгрии.

Очерк о той знаменательной экспедиции я опубликовал в книжке «Уральскими маршрутами» (Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985).

Кандидатскую диссертацию «Структурные связи западного склона Урала и Русской платформы» В.Н. Пучков защитил в 1970 г. К этому времени он был уже известным и авторитетным геологом, не только ведущим свои плодотворные исследования, но и активно разрабатывающим и реализующим общую стратегию изучения региона. В одном из своих очерков я назвал его генератором новых идей, и это вполне справедливо. Сейчас его лидирующая роль в целом ряде важнейших направлений возросла до мирового уровня.

Одновременно с региональными исследованиями Виктор Николаевич интенсивно работает в области теоретической геотектоники, развивая свои неомобилистские идеи. Его изыскания вылились в публикацию в 1964 г. в «Известиях АН СССР» фундаментальной статьи «Происхождение рифтовых морей». Это выдающийся результат деятельности молодого ученого (Виктору тогда было 26 лет), подкрепленный следующей не менее претензионной работой «О перемещении континентов» в журнале «Геотектоника» (1965 г.). Замечу, что это было время, когда идеи мобилизма только начинали входить в умы геологов и воспринимались далеко не беспрепятственно. Работы В.Н. Пучкова были восприняты тем не менее благосклонно, он уверенно вошел в тектоническое сообщество, его труды получали неизменно высокую оценку и широко обсуждались.

В 1968 г. были учреждены премии Коми комсомола, в том числе и за лучшие работы в области науки и техники. В числе первых молодых ученых, лауреатов этой премии, был и Виктор Пучков, отмеченный именно за теоретические исследования в геотектонике. Интересно отметить, что его учитель и идейный вдохновитель П.Н. Кропоткин еще в 1930-х годах был отмечен премией Московского комсомола за поисковые труды по той же геотектонической проблеме. Это сотрудничество поколений комсомольских лауреатов очень показательно, как пример сочетания опытной зрелости и дерзновенной молодости в науке.

В 1974 г. В.Н. Пучков уезжает из Сыктывкара в Свердловск, где в Институте геологии и геохимии Уральского научного центра расширяет свои регионально-тектонические исследования на весь Урал и сопредельные регионы, а в 1991 году его избирают директором Института геологии Уфим-

ского научного центра. Дружеские и деловые связи с сыктывкарскими геологами не прекращаются и не ослабевают. Виктор Николаевич участвует в разработке совместных исследовательских проектов и программ, руководит аспирантами, оппонирует диссертации, помогает в наставничестве молодых геологов. О сыктывкарском периоде своей жизни он опубликовал серию очерков в «Вестнике Института геологии Коми научного центра УрО РАН» (№ 5, 1998; №№ 6, 7, 2003).

В.Н. Пучков живет активной многогранной жизнью, и о нем можно и нужно говорить, писать много и разнообразно. Я же в своих заметках к его 70-летию коснусь только одного аспекта его деятельности — международного сотрудничества и кооперации.

Знание языков обеспечило Виктору Николаевичу широкие международные связи, как по переписке, так и личные. Ездить за рубеж, вопреки распространяемой сейчас дезинформации, в семидесятые – восьмидесятые годы было нетрудно. Существовали разные линии: научный обмен, научный туризм, интуризм, молодежный туризм, и мы активно участвовали в интересующих нас научных встречах.

В 1989 г. в составе большой делегации советских геологов, занимавшей целый лайнер, мы с Виктором участвовали в работе 28-й сессии Международного геологического конгресса в Вашингтоне. Это была последняя официальная делегация нашей страны, далее на геоконгрессы мы прибываем, кто как может, врассыпную. Помнится, Виктор вез в качестве подарка от его брата-альпиниста одному из американских покорителей горных вершин наш зековско-рабоче-крестьянский ватник, принятый с восторгом.

На конгрессе мы и американцы активно сотрудничали, обменивались научной информацией, обсуждали возможность совместных исследований. Виктор с его знанием языков легко ориентировался в этой интернациональной геологической толпе, тем более что в ней было много его знакомых. Как-то он представил В.А. Коротееву и мне одного из американцев, предлагавшего сотрудничество в изучении нефтегазоносных бассейнов Советского Союза. Мы ответили ничем не обязующим согласием — такие предложения шли потоком и обычно заканчивались разговорами или протоколами о намерениях. Но это предложение оказалось исключительно продуктивным.

Директор Института геонаук и ресурсов (ESRI) Университета Южной Каролины Вильям Кейнс в предчувствии глобальных изменений в советско-американских экономических взаимоотношениях поставил целью собрать всю информацию о нефте-

газоносности России, других советских республик и даже Китая путем выполнения совместно с нами, вернее, в основном нашими руками и головами за американские деньги, побассейновых проектов оценки углеводородных перспектив. Главным российским партнером в этой суперпрограмме стало Уральское отделение РАН, а исполнителями практически все региональные исследовательские центры. Программа была сложной, мобильной, сроки выполнения очень сжатые. Нужна была четкая организация работы. Естественно, Виктору Николаевичу отводилась одна из ключевых ролей. Он был своего рода топ-менеджером, организовывал и координировал с В. Кейнсом выполнение проектов, вел переговоры о новых проектах. Они объездили, по-моему, все крупные города Советского Союза и Соединенных Штатов, организовывали совместные советско-американские экспедиции, участвовали в ежегодных совещаниях Американской Ассоциации геологов-нефтяников и Американского Геологического Общества.

Значение для нас этой колоссальной работы, продолжавшейся почти десятилетие, трудно переоценить. Именно это десятилетие было самым трудным в России, когда разваливалась не только геология, разваливалась вся экономика. Мы оказались практически без средств. Выполнение нефтегазовой программы, основную прибыль от которой, конечно, получали американцы за счет продажи отчетов нефтяным компаниям и спонсорства, обеспечило и нам нормальную исследовательскую работу. Проекты были для нас не очень обременительны. Их смысл заключался, главным образом, в структурировании имеющихся у нас материалов

под международные стандарты. Мы же получали многое: возможность участвовать в совместных исследованиях и осваивать новейшие идеи и методики, выезжать большими группами в Америку и в другие страны, принимать такие же группы специалистов у себя и проводить с ними исследования в наших регионах, получать современную оргтехнику, покупать научные приборы, иметь дополнительные средства для обеспечения работы институтов, проводить анализы и эксперименты в американских лабораториях и многое другое. Эта деятельность оказалась плодотворной и для координации, кооперации, усиления сотрудничества российских геологов. Через международные переговоры и выполнение проектов мы выходили и на наши внутренние проблемы, обсуждали свои перспективы. Под крышей какого-то из американских институтов или на научных мероприятиях порою собирались до десятка директоров российских геологических институтов, это были импровизированные советы директоров.

Советско-американская бассейновая программа девяностых годов оставила яркий след в научном сотрудничестве двух великих стран и ушла в историю. Ее разработка достойна глубокого исторического анализа, который рано или поздно будет сделан. А выдающаяся роль в ней Виктора Николаевича Пучкова весомо вошла в его научную биографию.

Виктор Николаевич Пучков, человек талантливый, целеустремленный, ответственный, ищущий и постоянно работающий, проходит свой юбилей не поживая на лаврах, а устремляясь в будущее. Я желаю ему удачи, успехов, счастья, благополучия.

Академик Н.П. Юшкин